

Последние снасти – в лодку

купален, пуская длинную леску, к которой, начиная примерно на 70 см от насадки – жука или, чаще, крупного зеленого кузнеца, надеты в некотором расстоянии один от другого от 3 до 12 круглых или овальных просверленных насквозь поплавочков, выкрашенных в красную или черную краску. Это называется ловить на пуговки...»

– Нам и одного крючка хватит, – заметил сидящий за рулем профессор и остановил машину под небольшим зеленым холмом у дороги. – Выходите. Надо наловить кузнечиков.

За полчаса у нас с фото-корреспондентом Александром Худасовым в пол-литровых

серебристые бока, которые отражали лучи закатного солнца. Оранжевые плавники делали его необыкновенно красивым.

– На язя похож, только подлиннее, и лоб пошире, – в ответ на наши восторженные взгляды сказал Виктор Петрович.

За два часа, которые были у нас до наступления темноты, мы выловили десятка три голавлей, скорее, голавликов: все они были среднего размера, самый крупный – не более 300 г весом.

– Повезло нам с

уже стояло большое блюдо с золотистой жареной рыбой. И попросили «главного рыбака» почитать стихи. Лауреат Булгаковской премии не отказался,

Приятно чистить рыбку, пойманную своими руками

Душевное дело

Чудесный ЛОВ ГОЛАВЛИКОВ

Удачный во всех отношениях вечер под Самарой

Редко у врача бывают дни настоящего отдыха, когда он точно знает, что его не вызовут в больницу для оказания экстренной помощи. И тогда – в основном это касается мужчин – предпочтение отдается рыбалке или охоте.

было невозможно. Тем более что речь шла о ловле голавлей, занятии в наши дни редком, почти эксклюзивном. Хотя мы были с детства знакомы и со спиннингом, и с донками, кружками, переметом, «резинкой», никогда не встречались со старым способом ужения «в нахлыст», удовольствие от которого предложил испытать Виктор Петрович.

Мы выехали из Самары в северном направлении – в сторону реки Сок, притока великой Волги. Был вечер пятницы – времени до вечера слева совсем «в обрез». На заднем сидении автомобиля я раскрыл при-

банках сидело по 30 «кузнечков» – зеленых, светло-коричневых и мелкой саранчи. На этот момент у Виктора Петровича было 96 – опыт старого рыбака и реакцию хирурга нам было не переплунуть. «Хватит», – дал отбой он.

Еще минут через 20 мы были у живописной реки, по берегам которой росли большие ивы. Начали резиновую лодку, спустили ее в тихую заводь, покрытую круглыми листьями кувшинок, уложили снасти.

– В Европе и на вишню голавлей ловили, но я, признаться, не пробовал, – сказал руководитель рыболовной бригады, когда мы на моторном ходу выплыли на стремнину.

Дальше надо было уже на веслах подплывать под свисающие ветви ив, не доходя до берега метра 3-4. Никаких поплавков не потребовалось: насаживали кузнечика на крючок и бросали его на поверхность воды у обрывистого склона.

Скоро на леске извивался попавшийся на приманку первый голавль: темно-зеленая, почти черная его спинка оттеняла

погодой, – подытожил хирург, когда мы причаливали. – Ветра нет, если так постоит – весь сентябрь можно будет ловить.

...Прибыв с уловом на дачу, помогил хозяйке и спутнице Виктора Петровича Антонине Николаевне почистить рыбу и пошли растапливать русскую баню. Напарившись, сели к столу, в центре которого

и мы услышали замечательные строки про незатянутый узелок и многие другие. Поверьте, лиричнее и трогательнее стихов о хирургическом труде мы не слышали.

Альберт ХИСАМОВ,
Александр ХУДАСОВ (фото),
специальные
корреспонденты «МГ».

Самара.

Красавец-голавль в руке рыбака

Когда известный кардиохирург профессор Виктор Поляков пригласил половить рыбу командированных в Самару специальных корреспондентов «Медицинской газеты», отказаться

хваченную книгу выдающегося русского зоолога конца XIX века Леонида Павловича Сабанеева и прочитал вслух: «Некоторые ловят довольно успешно голавлей с плотов, плавучих мостов и

Хирург и его верная спутница

Архивариус

Самым первым общественным учреждением для подкидышей был воспитательный дом, устроенный в 787 г. в Милане архиепископом Датеом.

Долго пример Датея не имел подражателей. Лишь спустя более 200 лет после его кончины при одной из церквей Бергамо был создан новый воспитательный дом. В 1041 г. один житель города Лайбаха учредил сиротский дом, куда принимали и подкидышей. После того во всех западно-европейских государствах частные лица стали открывать приюты для бедных детей, сирот и подкидышей. А с XVI века проявилась и государственная забота о несчастных детях: в Италии, Испании, Франции специальными указами такая работа стала поручаться монастырям и церквям, затем – муниципалитетам.

Но таких учреждений было совсем мало. И сокращение

Без вины виноватые

У сиротских домов – тысячелетняя история

общего числа подкидышей почти не наблюдалось, так как способ приема младенцев был «явным». Многие матери, стыдясь своей бедности или незаконного «прижития» ребенка, вместо подкидывания по-прежнему умерщвляли своих детей или просто бросали их как негодные вещи.

Тогда в Италии, на родине воспитательных домов, у стен приемных учреждений решили устраивать вращающиеся корзины – называвшиеся tour – для тайного приема детей. Число невинных жертв преступления матерей быстро уменьшилось.

Количество приютов с «турами» в Италии возросло до 1260. Из приютов дети направлялись в воспитательные дома, которых в Итальянском королевстве было 118. Тогда здесь призревалося 130 тыс. детей; ежегодно на их содержание расходовалось более 14 млн лир.

«Туры» распространились не только по всей Италии, но и по соседним государствам. В начале XIX века во Франции открыли три сотни воспитательных домов с вращающимися корзинами. С течением времени содержание несчастных детей в таких домах

перешло в обязанность департаментов.

В России «туры» не нашли широкого применения. Но в крупнейшем на всю страну Московском воспитательном доме (ныне в его здании у Москвы-реки расположена Военная академия им. Петра Великого) сложился простой порядок: всех найденных в самых разных местах детей, в том числе и подкинутых младенцев, беспрепятственно принимали на воспитание. Правда, смертность несовершеннолетних, из-за большой их скученности в заве-

дении, постоянно удерживалась на высоком уровне.

Любопытное отношение общества к незаконнорожденным детям возникло к началу XX века. В ходе обсуждений ситуации в российской прессе было предложено заменить слово «незаконнорожденные» на «внебрачные», хотя по сути никаких изменений от того не предвиделось. Внебрачные дети также были без вины виноватыми существами, которые расплачивались за грехи родителей.

Татьяна БИРЮКОВА,
москвовед.